МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НОСТАЛЬГИЯ ПО СОВЕТСКОМУ

Издательство Томского университета
2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 9

1. Ностальгия по советскому в социальных и культурных практиках современности: культурообразующие смыслы эпохи 17
1.1. Ностальгия и идентичность - лента Мёбиуса? (*Суханов В.А.*) 17
1.2. Человек, история и память (*Марков Б.В.*) 22
1.3. Как нам относиться к советской истории? (*Зиновьев В.П.*) 36
1.4. Ностальгия по СССР и интеграционные процессы на постсоветском пространстве (*Хатунцев С.В.*) 42
1.5. Ностальгическая реконструкция советского: между ретривализмом и де/ремифологизацией (*Завершинская Н.А.*) 53
1.6. Ностальгия как культурообразующий смысл современной российской жизни (*Шмелева Т.В.*) 72

2. Советские концепты, мифы, идеологемы в текстовых пространствах современности: знаки ностальгической модальности 83
2.1. Политический конструкт 'Победа' в контексте феномена ностальгии по советскому (*Щербинина Н.Г.*) 83
2.2. Тоска по Родине: ностальгия как поиск утраченного смысла (*Щербинин А.И.*) 98
2.3. Мифологема «советский человек» в контекстах постперестроечной эпохи: переконструирование мифа (*Резанова З.И.*) 110
2.4. Родина или совок? Рефлексия «советского» образа жизни в виртуальном дискурсе (*Мишанкина Н.А.*) 126

3. Ностальгические тексты и дискурсы современности: субъекты и объекты ностальгии 139
3.1. Риторический подход к изучению ностальгии по советскому (*Романенко А.П.*) 139
3.2. Опыт экспериментального исследования культурной памяти: субъекты и объекты ностальгии по советскому (*Пикулева Ю.Б., Попкова Н.Н.*) 149
3.3. Смысловое пространство и эмоциональная палитра рефлексии о советском времени (на материале разговоров «о том, как работалось») (*Орлова Н.В.*) 162
3.4. Советская школа в картине мира учителя: модальность ностальгии (*Купина Н.А., Долинина Т.А.*) 174
3.5. Мемуары советского человека как моделирование мира ушедшей эпохи (*Лебедева Н.Б.*) 192

4. Ностальгические тексты и дискурсы современности: истоки, смыслы, формы репрезентации 215
4.1. «Советский текст» в речевой среде постсоветской деревни - свидетельство ностальгии по советскому прошлому? (*Тубалова И.В.*) 215
4.2. *Все* или *ничего* как когнитивная стратегия осмысления советского прошлого (*Ташлыкова М.Б.*) 231

2. СОВЕТСКИЕ КОНЦЕПТЫ, МИФЫ, ИДЕОЛОГЕМЫ В ТЕКСТОВЫХ ПРОСТРАНСТВАХ СОВРЕМЕННОСТИ: ЗНАКИ НОСТАЛЬГИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ

2.1. Политический конструкт 'Победа' в контексте феномена ностальгии по советскому

Согласно заявленной теме теоретическим основанием данного исследования выступает политический конструктивизм как разновидность феноменологического подхода. Данный исследовательский подход, очевидно, релевантен объекту исследования. Действительно, «ностальгия по советскому» относится к феноменам, т.е. содержаниям сознания, которые означают «пережитое» в связи с утратой советского прошлого. Политический же феномен ностальгии по советскому как предмет исследования представляет собой особый вид ностальгии. Перед нами конструктивистская деятельность политической власти, которая конституирует смысловой мир за счет ритуала празднования Победы. И в этом своем качестве проект власти по ознаменованию 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне конструктивен. Дело здесь в том, что ритуал как таковой играет конститутивную роль в отношении сакральной политической реальности (в данном случае героического типа). А она, в свою очередь, является основанием феномена легитимности власти в России. В соответствии с нашей концепцией героического конструирования политической реальности феномен героизма можно отнести к смысловым политическим феноменам. Другими словами, феномен легитимности российской власти имеет конституцию героического мономифа. Так вот политический миф обретает феноменальное бытие как раз в ритуальном действе.

Исходя из указанных теоретических посылок, мы и предприняли феноменологический поиск смысловых оснований политического бытия России. Отсюда цель нашего исследования – выявить степень релевантности вышеназванного конструктивистского проекта власти. То есть мы намереваемся определить, на какие героические схемы опирается феномен праздника Победы вообще и как совре-

менная модель праздника соотносится с базовым смысловым феноменом легитимности политической власти России.

С точки зрения политического конструктивизма, само конструирование политической реальности всегда зависит от власти-конструктора. Властный тандем Путин – Медведев предпринял в данной связи попытку конституировать пространство единовременного политического праздника, чтобы реконструировать базовый блок памяти о смысловом единстве под именем «Россия». Таким образом, в пространстве конструктивной современной политической коммуникации власть доминирует и навязывает свое определение реальности. Смысл же репрезентируемой конструкции политической реальности состоит в сакральной легитимации власти посредством героической модели. Факты-конструкты данной реальности образуют событийный ряд путешествия героя, полного испытаний и побед и завершающегося символической трансформацией его в Победителя и Спасителя мира. Таким способом героическое лидерство становится паттерном для реальности, формируя представление о мире как иерархии героев. Если лидер-победитель находится на вершине иерархической конституции, то нижнюю позицию занимает народ-победитель, символически копирующий подвиг вождя.

Рассуждая далее, следует подчеркнуть, что политический аспект феномена ностальгии по советскому связан и с семиотически понимаемой политической культурой России. Но сначала надо оттолкнуться от аналогичной интерпретации культуры вообще: «Семиотические аспекты культуры... развиваются, скорее, по законам, напоминающим законы памяти, при которых прошедшее не уничтожается и не уходит в небытие, а, подвергаясь отбору и сложному кодированию, переходит на хранение, с тем чтобы при определенных условиях вновь заявить о себе»[1]. Экстраполируя данное высказывание Ю.М. Лотмана на феномен политической культуры, можно подчеркнуть, что политическая культура России как знаковая система тоже развивается по законам памяти. Семиотической же «средой», т.е. политической семиосферой, здесь должна выступать постмодернистская знаковость. Ее особенность составляют виртуализация политической реальности

[1] *Лотман Ю.М.* Память культуры. Статьи и исследования // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. С. 615.

и засилье знаков-симулякров. Что же касается самой знаковой референции, то, по нашему мнению, некоторые политические конструкты и сегодня остаются смыслонесущими.

К таким смыслонесущим символическим сущностям и относится политический конструкт 'Победа', который имеет свой собственный план выражения – праздник Победы в Великой Отечественной войне. Здесь современный героический политический миф конституирован ритуально, приобретая семиотическое бытие. И это заметно отличает данную символическую константу от преходящих рекламных знаков-симулякров, презентирующих политический мир России в мозаичной символической динамике. Праздник же Победы, напротив, онтологичен и возвращает мышление коллективной личности к архетипу Героя и архетипическому действу во «время оно» – параду Победителей перед Вождем-победителем. Тем самым политический праздник Победы является цельным символическим комплексом, берущим свое обрядовое начало в советской политической культуре и культе вождя, понимаемом как семиотическая пропаганда. В данной связи праздник представлял собой и политический обряд перехода, символически легитимирующий власть в лице Героя, одержавшего победу над Злом. Иконография вождя здесь свидетельствовала о его абсолютной сакральности: он божество и Спаситель мира. Если выразить данную мысль не в терминах героического политического мономифа, но в понятиях семиотики, то можно подчеркнуть абсолютную репрезентативность Сталина-знака, который узурпировал всё семиотическое пространство, конституировав его иерархически в виде героической конструкции мира (генералиссимус Победы, маршал Победы, герои воинской Славы, простые победители врага).

По типу такого иконографического знака, где образ лидера тождествен Сталину-первообразу, попытался сконструировать свой имидж героя «Малой земли» Брежнев. В данном контексте термин «память» мы будем уже трактовать как некую интерпретационную рамку для конструирования политического героического пространства. «"Память" здесь адекватнее понимать как метафору либо гнездо метафор, которые символически транскрибируют – обозначают и переозначивают – более или менее устойчивую либо, напротив, неустойчивую конструкцию социума и его

базовых институтов в сознании людей»[1]. Конечно, речь идет о конструктивном мире фантазий и неком смысловом единстве, выраженном символически. То есть, другими словами, архетип Победы использовался для идентификации советского цельного мира, эта политическая конструкция семиотически предназначалась для отождествления народа с вождем. Однако в случае брежневского «семиозиса» произошла смысловая трансформация, и знак стал выражать несколько иное значение целого. Итак, по мнению Б. Дубина, с которым мы в данной связи полностью согласны, «смысловым центром всей конструкции значимого мира стала победа в Отечественной войне»[2]. Аналогично сегодня Путин и Медведев конституируют пространство единого политического праздника для того, чтобы заново сконструировать «память» о смысловом единстве под именем «Россия». Но мы хотели бы поспорить с Б. Дубиным в смысле оценки им брежневского мифотворчества как удачного. И дело здесь было в самом репрезентанте, символизировавшем «часть» – Малую землю, которая не могла стать «целым» – миром, СССР. В подлинном же героическом политическом мифе часть всегда идентична целому, она и есть целое. В результате и неизбежно ранее развенчанная фигура Сталина-победителя была именно в брежневское время подвергнута частичной реабилитации. Сам же Дубин пишет, что в смысловой и символический ряд «памяти» о прошлом уже в постсоветское время был включен оформленный ранее ностальгический образ Сталина как организатора победы в Отечественной войне. В терминах риторических фигур данного автора, «великий вождь» вновь стал соответствовать «великой победе». Это свидетельствует, по нашему мнению, что Героем ментального конструкта значимого советского прошлого оказался Победитель. Но, как полагает Дубин, в конструируемом в 1970-е гг. образе войны смыслонесущей фигурой выступили «народ», «ветераны», коллективный герой, как сказали бы мы. Тем самым и произошло смещение смысловых акцентов и символических ролей.

Конечно, остаточные фрагменты конструкта коллективной фигуры «героического» видны и сегодня. Но вопрос заключается в том,

---

[1] *Дубин Б.* «Кровавая» война и «великая» победа. О конструировании и передаче коллективных представлений в России 1970–2000-х годов // Отечественные записки. 2004. № 5 (20). С. 68.

[2] Там же. С. 70.

конструктивна ли данная фигура как эпицентр смыслового мира и что случится с виртуальным героическим миром, когда нельзя будет презентировать даже самого последнего участника войны? Кстати, парад в ознаменование 65-летия Победы в Отечественной войне показал, что проблема уже решается в духе постсовременности: героев представляют их субституты. Но разве это не «пустые» знаки, не реферирующие сакральной политической реальности? Не удивительно, что мэру Лужкову захотелось украсить Москву плакатами, изображающими именно Сталина, тем самым семиотически достроив праздник как смысловой мир. Очевидно, что образ войны сегодня не может быть репрезентирован одной георгиевской ленточкой при всей ее коммуникативной и фетишистской знаковости. Вот почему удачным, на наш взгляд, был «теледневник» победы на Первом канале ТВ – он как бы реанимировал «героический народ», который в основном ритуально представлен могилой Неизвестного солдата. И здесь заключено еще одно «но». Конечно, «неизвестный солдат» это сакральный символ с большим героическим смысловым потенциалом, но фигура солдата анонимна, т.е. данную символическую форму в принципе нельзя использовать для персонификации. Для персонификации же всегда и в России особенно используется другая номинативная символическая форма – «политический лидер», и только в силу того, что язык политического мифа тоже номинативен (здесь знак аналогичен имени собственному, а само имя мифологично)[1]. Именно так при актуализации героического мифа сознание номинирует феномен героизма, а в случае Отечественной войны – это Сталин (Жуков?). Потому герои войны – это всегда символические фигуры, номинирующие подвиг, и запоминают имя того, кто первый совершил героический поступок. Это, между прочим, одна из стратегий позиционирования вообще. Так, Э. Райс и Д. Траут подчеркивают, что в сознании потребителя информации закрепляется именно лидерская «позиция», потому лидер и является «маркой»[2]. Мы можем, напротив, добавить, что «вспоминается» всегда марка, политический лидер как Имя. Остальные герои как бы слепки с него, образы-копии, а

---

[1] *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф – имя – культура. Статьи и исследования // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. С. 527, 529.

[2] *Райс Э., Траут Д.* Позиционирование: битва за узнаваемость. СПб.: Питер, 2001. С. 61.

архетип героя – символический первообраз, в котором и хранится смысл.

Итак, чтобы сконструировать память о войне, надо, по сути, мифологизировать «текст» и вывести героический символический ряд имен. При этом замалчивание или уничижение знаковой роли Сталина лишь способствует стихийной реконструкции и воскрешению «имаго вождя», ведь его имя – первое в смысловом ряду. Без вождя ведь не с кого и начать данный символический ряд. Так, интенция мифологического сознания направлена на «отождествление мифологических единиц на уровне самих объектов» (герой = герою), но не имен[1]. Герой, если конституирован миф, это всегда Номинация, Герой, Победитель. Потому Сталин мог претендовать на «позицию» второго Ленина (для этого каждый тоталитарный Герой в ходе символической трансформации побеждал в своей собственной Октябрьской революции). А Брежнев вовсе не идентифицировался со Сталиным-победителем: именно героический миф в контексте Отечественной войны у него и не сформировался. При этом надо иметь в виду, что в XX в. вождь семантически отождествлялся с народом, но символом выступал героический Вождь, который и репрезентировал данное коллективное тело.

Таким образом, выявляются два аспекта «символической недостаточности» в реализации изначально конструктивного проекта власти. Во-первых, в виде образцовой модели современного праздника Победы выступает брежневская героическая схема. Но, как мы уже подчеркивали, конституируемая Брежневым героическая политическая реальность не стала мифологическим феноменом. И причина здесь заключалась в самом лидере-знаке, который не смог отождествиться с политической иконой – Сталиным-победителем. А поскольку исследуемая нами героическая политическая реальность как смысловое единство выражает свою идентичность символически через архетип Победы, то в результате единственным героическим репрезентантом остался народ-победитель.

Можно рассмотреть данный политический феномен и под другим углом зрения. Вроде бы конституирован героический элемент, ведь коллективная символика народа обрела свое ментальное существование. Но миф, согласно Ю.М. Лотману, – это особая номина-

[1] *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф – имя – культура. С. 542.

тивная реальность, а это значит, что на основании героического архетипа должна оформиться коллективная фигура, «персона». То есть опять же все упирается в символическую форму лидерства. Остальные символические конструкты смыслового мира как бы слепки с данной образцовой фигуры, образы-копии. Архетип же героя представляет собой символический первообраз, в котором хранится и передается смысл. Таким образом, современная власть и сама не претендует на место героя, да еще и отсылает недооформленные символические ассоциации к народу-победителю брежневского времени.

Для продолжения рассуждений о символических сущностях уместно далее привести релевантное нам лотмановское определение символа: «Функцию, благодаря которой значимый элемент может играть мнемоническую роль, мы определим как *символическую* и будем в дальнейшем называть символами все знаки, обладающие способностью концентрировать в себе, сохранять и реконструировать *память* о своих предшествующих контекстах»[1]. Итак, концепт 'Сталин' в данной связи представляет собой ностальгический образный феномен потому, что в смысловом контексте Победы он выступает таким символическим хранилищем. Перед нами подлинно знаковая, а именно конструктивная фигура, функционально связанная с механизмом коллективного «воспоминания» и запасом общего политического знания. При любой реконструкции такого рода памяти об Отечественной войне данный символ самопроизвольно актуализируется, причем как героический архетип – Герой/Антигерой. С одной стороны, ему приписываются все заслуги и он – Победитель, вдохновитель и организатор Победы, с другой – его символической персоне отводится роль Тени, злые игры которой привели к столь трагическим и великим жертвам на алтарь Победы. В любом случае здесь значимым элементом политико-культурной системы России выступает конструкт 'Победа'. Именно как архетипическая фигура данный политический символ обладает мнемоническим потенциалом, и особенно это относится к знаковому контексту прошлого века.

Таким образом, ностальгическая составляющая коммуникативного проекта современной политической власти России проявляется в том, что власть символически опирается на советскую героическую модель в принципе. Конструирование же реальности происхо-

[1] *Лотман Ю.М.* Память культуры. С. 617.

дит способом семиотического моделирования пространства политической коммуникации. И можно сразу констатировать, что как коммуникативный феномен проект современной власти обретает свое бытие. С позиции феноменологически трактуемой коммуникации именно власть задает интерпретационную рамку, здесь – героическую модель. Эффект же коммуникации основывается на решении проблемы понимания за счет того, что героическая модель входит в базовый запас российского политического знания. Словом, поскольку народ участвует в праздновании Дня Победы, постольку данный проект успешен. Основой его виртуального осуществления выступает наша политико-культурная память о героической модели советского лидерства.

Но в перенесении акцента политической реальности на безымянный героический народ совершается символическая трансформация. При этом изначальный месседж власти, в силу своей смысловой неопределенности, расшифровывается народом по-своему. Точнее, народ уже во встречном ментальном процессе социального конструирования реальности конституирует образ Сталина-героя. В результате коммуникативный проект власти теряет именно в конструктивности. И, как мы уже отмечали, символом героической Победы становится георгиевская лента, а это уже знак иной по типу виртуальной реальности. Перед нами является постмодерный мир симулякров, знаков, реферирующих только самих себя. Так и георгиевская лента используется не как сакральный политический символ. Многие правомерно отмечают, что лента функционирует просто как атрибутивный знак узнавания, что более похоже на виртуальную игру копий.

Тем самым в современном праздничном образе прообраз Победы дан знаково-трансформированным. И в таком переоформленном виде героическая символика по-прежнему участвует в легитимации политической власти через обряд героического перехода. Но в контексте постсовременности знаковое тиражирование (апельсин как символ Оранжевой революции, георгиевская лента как символ памяти о войне и т.п.), когда подлинность сменяется симуляцией, а знак теряет свою репрезентативность, возникает проблема утраты смысла. Хотя уже сам факт присвоения знака политической властью говорит о наличии коммуникации в виртуальной политической реальности и о попытке сакрализации на уровне маркетинга. Однако ар-

хетип бессознательного, помещающийся в основу конструирования маркетинговой реальности, согласно К.Г. Юнгу, предпослан сознанию лишь схематически. И конкретный образ новой политической реальности может, добавим мы, сильно отличаться от прототипа. Так, к примеру, архетип Матери предстает в виде конкретной фигуры-покровителя или абстрактной Родины. Может быть, архетип Героя сегодня и Вождь, и народ (когда героический вождь лишь подразумевается, ведь не может быть тела без головы), и орденская георгиевская лента (когда подразумевается герой-победитель как таковой)? Смысл же данных знаков Победы, похоже, идентичен – все это символы коллективного спасения. Тогда войну (как полосу тяжелейших испытаний) можно символически отождествить с обрядом героического перехода, а эпитет «Отечественная» – прочитывается как символизация окончательного спасения и соединения героя с отцом. Таким образом, конструкт 'Победа' по-прежнему конституирует семиотическое пространство сакрального политического дискурса России вообще и властного дискурса в частности. При этом современный политический лидер не экспонирует свой образ как однозначно героический. Тем не менее в праздничном пространстве парада действо по-прежнему проходит перед трибуной с «ветеранами» (хотя тоже трансформированной) и принимается парад традиционно лидером. И последнее создает слабую ассоциацию преемственности власти от той – победительной. И здесь образ «настоящей» политической власти опирается на значимые образы прошлого: «Под образами прошлого понимаются зафиксированные в коллективной памяти представления о прошлом, прочно удерживаемые традицией или актуализируемые меняющейся реальностью настоящего»[1].

Итак, в идеале речь должна идти о реконструкции памяти о Победе (воссоздании архетипической фигуры в ипостаси Героя) и конструировании, тем самым, виртуальной политической реальности легитимной власти, т.е. своего рода героической сакральной политической реальности. Который же из двух вышеназванных типов конструктивизма здесь преобладает: феномен социального или политического конструирования реальности? Думается, скорее, политический феномен. Иными словами, власть с помощью СМК формирует представление о реальности. Политическая власть легитимно дей-

[1] *Глебова И.И.* Политическая культура России: образы прошлого и современность. М.: Наука, 2006. С. 4.

ствует в поле символического обмена и вовлекает народ в данную управляемую игру знаков. И знаковый обмен, где конституирующую и объединяющую роль играет конструкт 'Победа', удачен в силу того, что нет барьера понимания героического мифа как традиционного языка политической коммуникации, образующего значимую дискурсивную практику. Так, символические послания власти по репрезентации «своего» подкрепляет особый культурно-ритуальный комплекс – празднование, включающее парад победителей на Красной площади и поклонение лидера могиле Неизвестного солдата как жертве на алтарь Победы. При этом в языковой игре объективаций присутствует и реконструкция символической фигуры Сталина-победителя и чаще всего как фигуры умолчания. И «изречение», и «умолчание» имеют символический план выражения знака. В данном контексте молчание тоже, по сути, есть символическое утверждение значимого образа. Выражается же замалчивание как словесно отрицательно, когда номинация 'Сталин' в контексте Победы не упоминается, так и визуально – задрапирован мавзолей как символический аналог Политического Центра, где вождь принимал изначальный парад в изначальное время. Но, тем не менее, уже сама реконструкция символики Победы «рамочно» манифестирует спасение и космизацию России-мира от Хаоса-войны, а спасение невозможно без Спасителя. Именно символическая форма заставляет политическую реальность «значить» и при актуализации «переформатированной» информации семиотическая модель героического мономифа априорно воспроизводится и требует номинирования. Здесь мы можем сослаться на М. Фуко и подчеркнуть, что некоторые «феномены становятся символами друг друга или организуются вокруг единого центра»[1]. Вот таким смысловым центром для политической власти России, своего рода фигурой власти знания о прошлом, если перефразировать того же М. Фуко, становится конструкт 'Победа'. Итак, феномен «политической памяти» мы будем трактовать не просто как способность политико-культурной системы сохранять информацию. Для нас понятие «память» все более приобретает конструктивистский смысл: сохраняется и актуализируется лишь та информация, которой придается значение, производное от власти. Именно власть конструирует смы-

[1] *Фуко М.* Археология знания. К.: Ника-Центр, 1996. С. 13.

словой политический мир в этой «бессмыслице» постсовременного пиара и даже конституирует священный ритуал Победы.

Поскольку политическая культура как знаковая система подчинена законам памяти, о чем мы много рассуждали, далее следует непосредственно обратиться к проблеме культурного кодирования. Согласно Ю.М. Лотману, история культуры России, понимаемая семиотически, дает нам четыре доминантных кода, позволяющих типологизировать культурные тексты: семантический, синтактический, асемантический и асинтактический, семантико-синтактический[1]. Выражая ту же мысль по-другому, перед нами четыре языка коммуникации, типологически релевантные нашей культуре, и мы можем экстраполировать их и на культуру политическую. Для нас представляет интерес та доминантная кодирующая системная модель, согласно которой политическая власть репрезентирует политический порядок в современной России (имея в виду исторический этап президентства Путина и Медведева). В основу аналогичной типологии политико-культурных кодов, опираясь на Ю.М. Лотмана, мы поместим два «параметра» с положительным и отрицательным статусом: 1) существование в политике как замещение более важного и 2) существование как части более важного в политическом смысле[2].

Согласно нашему выводу, политически конструирующая мир власть (под конструктивным лидерством мы подразумеваем феномен путинских интенций) моделирует реальность России в семантическом кодовом ключе. Это, в сущности, традиционный мир, имеющий смысл, но смысл не эксплицированный, до конца не изреченный и даже специально засекреченный. При всем централистском символизме (к Центру сводится вся Россия) центрированный властью политический мир не является единым, т.е. «синтактическим». В данной связи политическим репрезентантом выступает партия «Единая Россия», персонифицированная Путиным. При этом сама партия далека от организационных систем жесткого типа, представляя собой холдинг (собрание ассоциированных с номинальным центром членов без строгих правил образования структуры). Интересно, что управляющее конструктивистское политическое творчество Пу-

---

[1] *Лотман Ю.М.* Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX веков: Статьи по типологии культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. С. 402.

[2] Там же. С. 401.

тина формируется и параллельно кодирующему эффекту культуры постсовременности, асемантическому и асинтактическому по сути. Мир «чистой» постсовременности раздробленный и бессмысленный и особенно явлен как медиареальность. Здесь знаки релятивны, симулируют и не репрезентируют в процессе свободного знакового обмена. Собственно знаки создаются для того, чтобы отрицать знаки, и активно формируется знаковая система «навыворот». Пример тому – постперестроечная ленинниана, представляющая собой антигероический «трансферт».

Мир же сегодняшней России, конструируемый политически, не чужд «положительной» знаковости, и Путин даже реанимировал некоторые существенные символы советского прошлого. Тем не менее наша политическая реальность заметно отличается от советского политического мира, и единого, и осмысленного, семантико-синтактического. В советском мире идеальная сущность (Учение) воплощалась в материальную сферу жизни (строительство социализма в СССР). А материальная сторона, в свою очередь, подвергалась «диалектике» прогрессизма – модернизации во что бы то ни стало, подчиняясь ценностям не от мира сего. Такой политический мир кодировался языком героического политического мифа, представляя собой символическую иерархию героев. Именно данный героический миф и репрезентирует, по нашему мнению, смысловой феномен политической власти России, сакральные основания ее легитимности. Тем самым вполне оправдан интерес к конструкту 'Победа' со стороны современной политической власти России, ведь это, кроме того, понятный язык политической коммуникации власти и народа. В путинском политическом конструктивистском проекте 'Россия' как государство и «целое» замещается «частью» – политическим лидером-репрезентантом. Таким образом, знак (лидер) замещает какое-то идеальное содержание, причем особая ценность, согласно Ю.М. Лотману, конституируется знаком с нулевым выражением «материального»[1]. Вот почему на празднике Победы поется «слава» героям, точнее их памяти, тем самым транслируются абсолютные ценности. И здесь выражена своего рода ностальгия политической власти России по конструктивному творчеству советского прошлого, которое выражало смысл ясно и эксплицитно.

---

[1] *Лотман Ю.М.* Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX веков. С. 406.

В данном контексте эмоционально нагруженный смыслонесущий конструкт 'Победа' становится в ряд с доминирующим и кодирующим интенциональным переживанием политической власти о России как мире. Символика 'Победы' относится к пространству «своего» и «целого», которое репрезентирует Лидер, здесь «часть» представляет «целое», отождествляется с ним. Поскольку знак в таком «символическом политическом сознании» не конвенционален, а строится по принципу иконическому, то становится понятна суть властного тандема «Путин – Медведев», где президент не лидер, а знак-копия, зеркально отражающая высший лидерский образец. Путин в данном символическом тандеме как бы «идеальное содержание», а Медведев – «знак-выражение». Медведев-знак в иерархии в виде набора знаков первый (ведь знаки образуют иерархию официального лидерства), но ценность знака зависит от степени его «идеальности». Не случайно Медведев создает себе имидж, отличный от путинского. Вот почему иконическое соответствие образов двух руководителей России или их расхождение – постоянный предмет для медиадискурса. Здесь уместно провести параллели с кодированием средневековой реальности: если средневековый мир творил Создатель одним своим словом, то мир российской политики творит Конструктор, и его слово не всегда досказано. Именно лидер-конструктор «знает» свой «замысел о России», остальные лишь могут углубляться в знак, т.е. попросту строить догадки. И презентируемый образ современного политического мира России, официальная картина мира, гиперконструктивна.

Следующий конструкт в нашем рассуждении о феномене современной российской политической власти – это понятие политического человека как корпоративного члена. Наш гражданин может стать политиком только как член политической партии, а у власти стоит целая политическая корпорация, принадлежность к которой автоматически выдвигает на высокие политические должности. То есть в России ценится не личная профессиональная карьера (по типу идеологии Петра I), а членство в символических корпорациях, таких как «единороссы», «петербуржцы», «молодежный резерв» и т.п. При очевидности иерархии данных знаков смысл их конкретного квалификационного отбора скрыт от общественного сознания. То есть наметилась такая семиотическая практика: если нет места в корпорации, то нет и личности в политическом смысле. Отсюда в иерар-

хии политических знаков-лидеров столь много безликих и даже «безымянных» персон. Власть заведомо «знает», кого и куда поставить и занимается дальнейшим корпоративным конструированием. В данной связи наполняется смыслом и выражение «выстроить вертикаль власти», ведь государство, которое тоже политически сконструировано, понимается Путиным всего лишь как иерархия знаков, находящаяся вне времени. Перед нами, может быть, принцип конструирования, релевантный коду культуры вообще (чиновник ведь тоже член корпорации)? Как бы то ни было, подобно средневековому сознанию конституированы два российских ментальных мира: высший политический мир (конструкторы, лидеры-знаки, корпорации-конструкты) и низший мир практической повседневности, который не обладает символической ценностью и находится вне бытия политики. Таким образом, все политические знаки тяготеют к сакральной сути и бытуют как виртуальная политическая реальность. Здесь в качестве определяющей метафоры подобного символического мира можно привести слова Ю.М. Лотмана, что «все существующее воспринималось как значимое (и наоборот – только значимое считалось существующим)»[1].

Таким образом, в основание своего современного представления о политическом мире российская власть помещает его сугубую сущностную знаковость, которая систематически артикулируется от «знаково заниженного» мира повседневности. Потому все политические феномены власть стремится ритуализировать и пример тому «телеразборки» власти с текущими повседневными проблемами и их персонификациями, долженствующие символизировать конструктивную позицию лидерского тандема. Вот в этом символическом ряду востребованных ритуальных сущностей и стоит праздник годовщины окончания Великой Отечественной войны, смысловое наполнение которому придает конструкт 'Победа'. Данный сакральный смысловой мир связан с истоками власти и вводит героический символизм в праздничный календарь современных политических торжеств. Власть, по-прежнему присваивая себе весь политический «семиозис», конструирует политический мир вообще и политический праздничный мир в частности. А поскольку повседневный политический мир для нее незначим, то сакральной реальности героиче-

[1] *Лотман Ю.М.* Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX веков. С. 406.

ского спасения и отводится столь заметное место в «пространстве ликования», ностальгируя по советскому образцу. Перефразируя М. Рыклина, можно подчеркнуть, что ностальгия по советскому проявляется здесь как реакция на исчезновение гигантского пространства политического ритуального действа[1]. И, добавим мы, ритуал нужен власти-конструктору из-за своей конститутивной сущности, означивающей символы власти в этой семантической политической культуре.

В данной связи у П. Рикёра есть релевантный термин – «навязанная память», которая формируется путем замкнутого по смыслу нарратива. У нас это героический политический мономиф, который придает конфигурацию конструктам коллективной памяти о Победе. «Следовательно, замкнутость рассказа ставится на службу идентифицирующей замкнутости сообщества. Преподанная история, история, которой обучают, но также и история восславленная. К принудительному запоминанию прибавляются мемориальные церемонии, поминания, установленные общим соглашением. Таким образом, между припоминанием, запоминанием и поминанием заключается несущий в себе опасность пакт»[2]. В отличие от П. Рикёра, мы не помещаем свое исследование в рамки философской дихотомии «плохого / хорошего» и потому проблему «опасности» управления политическим сознанием выводим за рамки предметной области. Но в политико-конструктивистском плане хотим подчеркнуть, что мифологизация и ритуализация политики России, производные от конструкта 'Победа', свидетельствуют о конституировании символических основ современной политической власти. Перед нами конструктивный материал, предназначенный для смыслонесущей политической коммуникации.

Но парадоксальность современной ситуации заключается в том, что политическая коммуникация власти и народа теряет как раз свою смысловую составляющую. Смыслонесущая коммуникация заменяется политическим шоу, репрезентирующим лишь ностальгию власти по советскому прошлому. При этом в ритуальном действе побеждает сторона формальная – это «мероприятие по случаю». Конечно, так понимаемый день Победы не воспринимается как настоящий праздник. И народ ностальгирует еще и по советским праздникам. Второй же конструктор виртуальной героической ре-

---

[1] *Рыклин М.* Пространства ликования. Тоталитаризм и различие. М.: Логос, 2002. С. 18.

[2] *Рикёр П.* Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. С. 125.

альности, СМИ, тем более нацелен на производство своей обычной продукции – шоу с политическими звездами. Вот почему основная роль в презентации события отводится Президенту, который принимает парад. Однако сам парадный строй даже не репрезентирует героический народ, перед нами всего лишь знаковые копии победителей. В итоге современная российская власть все же не подкрепляет свою легитимность сакральным основанием. По сути надо было бы мифологизировать ритуальный текст, чтобы вывести «сверху» героический символический ряд имен. В противном случае «снизу» воспроизводится концепт «Сталин», представляя собой самостоятельный ностальгический образный феномен. Перед нами уже подлинно знаковая фигура, функционально связанная с механизмом коллективного «воспоминания» и запасом общего политического знания. Таким образом, рассмотренный проект власти оказывается не вполне релевантным именно в плане конструктивизма и не дает четкого определения сакральной политической реальности современной России. Перед нами такая политическая коммуникация, где символический обмен в пространстве праздника парадоксально приводит к феномену переживания утраты «настоящей» советской власти, репрезентированной героическим вождем.

2.2. Тоска по Родине: ностальгия как поиск утраченного смысла

Сегодня мы делаем большое дело, пытаясь внести свой вклад в осмысление странной, на первый взгляд, ностальгии по, впрочем-то, не особенно уютной и не всегда сытой, а иногда и откровенно мрачной эпохе. Сейчас филологи, лингвисты, политологи углубляют научную рефлексию относительно явления, которое поначалу удивило социологов. Я имею в виду серию исследований «Советский человек», проведенных ВЦИОМ под руководством Ю.А. Левады, и его собственные размышления, вынесенные в публикацию (2002) под названием «"Человек ностальгический": реалии и проблемы».

Юрий Александрович очень хорошо сказал: «Проблема "человека ностальгического" (а в известном смысле и "общества ностальгического") несомненно существует, но столь же несомненно, что она не поддается раскрытию с помощью примитивных "ключиков". Нетрудно, – писал он, – привести солидный ряд фактов, данных исследований, показывающих, что, сколько бы люди ни сожалели о не-